

ния за службу, ни особой группы «императорских людей» — непосредственные производители в императорских доменах Малой Азии и Сирии назывались общеправовыми статусными терминами: кометами, пареками — или неопределенными: земледельцы, агройки; последний термин применительно к крестьянам императорских доменов в Сирии встречается в письме Домициана своему сирийскому прокуратору — SEG, XVII, 755.

Подводя некоторые итоги, можно сказать, что в период эллинизма под влиянием развития товарно-денежных отношений постепенно изживала себя система царского землевладения, ограничивавшая свободу распоряжения землей и хозяйственную инициативу как крупных землевладельцев (вельмож, царских служащих), так и непосредственных производителей, связанных с общиной. Характерной формой зависимости этих производителей при всех различиях в конкретном положении их на царской или частной земле была разновидность коллективной зависимости — а именно пообщинная зависимость земледельцев в сочетании с поземельной зависимостью самих общин.

THE CONDITION OF THE $\lambda\alpha\omicron\iota$ IN THE SELEUCID KINGDOM

by I. S. Sventsitskaya

The author discusses epigraphical material relating to the $\lambda\alpha\omicron\iota$ in the realm of the Seleucids: the inscriptions on the gift of land to Aristodikides, on the sale of land to Laodike, on the hypothecation of land by Mnesimachos and the correspondence of Antiochus III with the *strategos* Ptolemaios. The term $\lambda\alpha\omicron\iota$ was applied to the inhabitants of villages on royal land and on lands granted by the king to individuals. It seems likely that $\lambda\alpha\omicron\iota$ was the general designation for that part of the rural population which was subject to the king, as distinct from the citizens of the cities included in the Hellenistic kingdoms (a usage attested in an inscription from Cyrene). Because this term expressed a relationship to the king, it is not found among the terms denoting non-citizen statuses in inscriptions from the Hellenistic cities, and in the Roman period it falls out of use as a designation for the rural population. The legal position of the people on the royal land was defined by membership in a community: they are *kometai* (RC 20). Their tie with the community defined their dependence on the landowners: the inscriptions speak of rights to the possession of villages; the $\lambda\alpha\omicron\iota$ were dependents of Laodike, Mnesimachos and Ptolemaios because the land possessed by them included the communities to which these $\lambda\alpha\omicron\iota$ belonged. The $\lambda\alpha\omicron\iota$ may be said to have been dependent through the community, and the community through the land. This is a variety of the collective form of dependence, one of the oldest forms of domination and subjection. The survival of communal organisations was an important condition of the survival of the small production unit upon which agricultural production was based in many ancient societies. Since the village community represented the primary organisation to which the direct producers in agriculture were tied, as exploitation relations evolved there appeared «community dependence» — upon another collective (the polis), upon the king himself or upon his notables. In the Seleucid realm the community ties of the workers on the land were strengthened from above since for the central authority it was more convenient if those in subjection to it were «organised» and tribute could be exacted from a whole collective at once.

Юлия Заблочка

К ВОПРОСУ О ЗЕМЕЛЬНЫХ ОТНОШЕНИЯХ В МАЛОАЗИЙСКИХ ГОРОДАХ I—III вв. н.э.

(Надпись Аттала Адраста из Афродисии)

МАЛАЯ Азия издавна привлекает внимание исследователей, прежде всего как территория, связывавшая Переднюю Азию с греко-римским миром. Привлекает исследователей без сомнения и наличие большого количества самых разнообразных источников, среди которых эпиграфические памятники занимают почетное место. Начиная с классических трудов В. Рамсея, М. Ростовцева, а позднее Т. Броутона, Л. Робера и А. Джонса, вплоть до настоящего времени, эпиграфические памятники остаются основой всех исследований о Малой Азии. Надписи — свидетельства повседневной деятельности тогдашних жителей Малой Азии — охватывают своим содержанием разные стороны общественно-экономических отношений, а большое количество однотипных памятников позволяет решать иногда очень сложные вопросы.

Но богатство материала источников и естественное стремление к синтетическому охвату максимального количества однотипных надписей может привести к поверхностным обобщениям и к тому, что интереснейшее содержание той или иной надписи ускользнет от исследователя.

Показательным примером может служить в этом отношении надпись Аттала Адраста (MAMA, VIII, 413), разбор которой мы здесь предлагаем. Этот большой и неплохо сохранившийся памятник был найден в начале нашего века во время раскопок городской стены в карийском городе Афродисии. Надпись несколько раз переиздавалась¹ и цитируется почти во всех фундаментальных трудах по истории Малой Азии в качестве примера греческой эвергии². В надписи говорится о пожертвовании Атталом Адрастом суммы в 122 000 денариев (стб. а, стк. 20) для постройки и содержания помещения для жертвоприношений и трапез в храме Афродиты (κατακληροῦσι[ν] θυγατρὶς τοῦ δεσπινστῆρος[ν] καὶ τὰ περὶ αὐτὸ οἰκίματα — стб. d,

¹ Первое издание надписи (и комментарий к ней): T. Reinach, *Inscriptions d'Aphrodisias*, REG, XIX, 1906, стр. 231—243, № 138—141; последнее — W. M. Calder — J. M. R. Cormack, MAMA, VIII, № 413. Частично надпись переиздавалась: B. Laum, *Stiftungen in der griechisch-römischen Antike*, II, Lpz — B., 1914, № 102; J. et L. Robert, *La Carie*, II, P., 1954, № 148 (с исправлениями); ср. также L. Robert, *Hellenica*, XIII, P., 1965, стр. 119 сл.

² Ср. F. Poland, *Geschichte des griechischen Vereinswesens*, Lpz., 1909, стр. 436 сл.; A. H. M. Jones, *Greek City from Alexander to Justinian*, Oxf., 1937, стр. 175; T. R. S. Broughton, *Roman Asia Minor, Baltimore*, 1938, стр. 758 сл. (библиография); D. Magie, *Roman Rule in Asia Minor*, Princeton, 1950, стр. 586 сл.

сткк. 12—14). Здесь должны были происходить пиршества для членов буле, герусии, диакосиапротов и прочих граждан города за счет дохода ($\epsilon\kappa\ \tau\omicron\upsilon\ \tau\omicron\upsilon\lambda\omicron\upsilon$) от капитала, который был подарен раньше ($[\pi\rho\acute{\iota}\nu\ \acute{\alpha}\nu\epsilon\theta\eta]\chi\alpha$) (стб. d, сткк. 22—23).

Надпись по своему характеру принадлежит к категории дарственных, получивших наибольшее распространение в малоазийских городах в период Римской империи³, что свидетельствует о бурном росте частных эвергесий. Сам Аттал Адраст, как показывает ряд надписей⁴, был типичным представителем той социальной прослойки, чьи пожертвования составляли серьезную статью доходов в бюджете самоуправляющихся городов⁵.

Этим материал надписи отнюдь не исчерпывается. В частности столбец с содержит любопытные данные, которые до сих пор не были предметом специального исследования и которые проливают свет на проблему земельных отношений в малоазийских городах того времени.

Столбец с представляет собой список должников, граждан города Аполлонии, которые заложили свои земельные участки и другое недвижимое имущество. Эти ипотеки вместе с наросшими процентами и составляли, очевидно, пожертвованную сумму в 122 000 денариев. К сожалению, список уцелел не весь: до нас дошли лишь данные относительно шести сделок. В надписи названы: 1) имена должников и их поручителей, 2) суммы займов, полученных под залог участков, и суммы процентов, подлежащие выплате 30-го апеллая, 3) часть заложенных участков и количество зерна (в мерах), необходимое для посева на каждом из них.

Для наглядности весь этот материал сведен нами — соответственно трем только что названным рубрикам — в три таблицы.

Как явствует из этих данных, в пяти случаях из шести мы имеем дело с двойной ответственностью контрагентов Аттала Адраста: одно и то же лицо выступает то как должник, то как поручитель. В двух сделках поручителем является Тидей, сын Тидея, о котором неизвестно, был ли он также и должником. Нет также данных относительно двух других поручителей: Аполлония и Дамаса. Но поскольку в сохранившемся фраг-

³ Большинство известных нам дарственных надписей приведено вместе с переводом в II томе работы Б. Лаума. Но поскольку он исследует юридическую сторону «вечных даров», то и приводит лишь соответствующие фрагменты надписей. С такой же точки зрения рассматривается этот тип надписей в работе А. М а н з а н н, *Die Rechtsformen der griechischen Stiftung*, RIDA, III, 1956, стр. 120. «Вечный дар», который является предметом всех этих надписей, характеризуется тремя элементами, отличающими его от обыкновенного дара: 1) частное лицо жертвует определенный капитал (деньги, недвижимое имущество) с определенной целью, которая будет осуществляться периодически «вечно» ($\epsilon\iota\varsigma\ \alpha\iota\omega\nu\alpha$); 2) поэтому капитал не делится (ср. $\chi\omicron\rho\iota\varsigma\ \acute{\alpha}\nu\epsilon\theta\eta\ \tau\acute{\alpha}\theta\epsilon\tau\alpha$; L. R o b e r t, *Etudes Anatoliennes*, P., 1937, стр. 305) и используется лишь его доход ($\tau\acute{o}\chi\omicron\varsigma$, $\pi\rho\acute{o}\varsigma\theta\omicron\varsigma$, $\chi\alpha\rho\iota\varsigma\alpha$); 3) потребителем «вечного дара» всегда является какой-либо коллектив (город, совет, коллегия, храм).

⁴ Известна другая надпись Аттала Адраста, свидетельствующая об учрежденных им «вечной гимнасиархии» и «вечной стефанефории» общей суммой в 267 179 денариев. Часть этой суммы следует взимать с должников Аттала, однако их имена ($\tau\acute{\alpha}\ \delta\upsilon\omicron\upsilon\lambda\omicron\upsilon\tau\omicron\upsilon\ \tau\omicron\upsilon\omega\ \chi\rho\epsilon\omega\sigma\tau\omicron\upsilon$) и указания о том, сколько каждый из них должен капитала и процентов ($\chi\alpha\iota\ \tau\acute{\iota}\ \epsilon\chi\alpha\sigma\tau\omicron\varsigma\ \alpha\upsilon\tau\omicron\upsilon\omega\ \circ\phi\epsilon\iota\lambda\epsilon\iota\ \acute{\alpha}\rho\chi\alpha\iota\upsilon\ \chi\alpha\iota\ \tau\acute{o}\chi\omicron\upsilon$), не сохранились. Эта надпись говорит не только о богатстве щедрого аристократа, но также об источниках этого богатства. Одним из них были финансовые операции (ср. REG, XIX, 1906, № 142, сткк. 25—26). Как свидетельствуют другие надписи, в которых чествуется отец Аттала (REG, XIX, 1906, № 33 = MAMA, VIII, № 484 от $\omicron\iota\ \nu\epsilon\alpha\iota$; REG, XIX, 1906, № 115 = MAMA, VIII, № 485 от $\eta\ \beta\omicron\upsilon\lambda\eta\ \chi\alpha\iota\ \acute{o}\ \delta\eta\mu\omicron\varsigma$), его мать Аммиа (CIG, 2814 = MAMA, VIII, № 528), а также его дед Никотим (REG, XIX, 1906, № 103 = MAMA, VIII, № 483), это был видный аристократический род. Представители его по несколько раз выполняли различные литургии, что всегда было связано с большими расходами. Несмотря на это личным потомком Аттал Адраст смог пожертвовать городу и храму значительные средства.

⁵ С конца II в. частные эвергесии распространяются также на территорию деревень, что было связано с возникновением там псевдомunicipальной организации.

Т а б л и ц а I

Сделка	Строки столбца с	Имя должника	Имя поручителя
1	1—5	?	Диодор, сын Мусая
2	6—9	Диодор, сын Мусая	Тидей, сын Тидея
3	10—15	Диодор, сын Мусая	Публий Альбий и Аполлоний, сын Пания
4	16—22	Публий Альбий	Диодор, сын Мусая, и Дамас Агафопод
5	23—27	Публий Альбий	Тидей, сын Тидея
6	28—30	Гай Юлий	?

менте надписи наблюдается известная закономерность, возможно, что они тоже находились в двойной зависимости от Аттала Адраста, ибо начало и конец столбца, как уже сказано, не сохранились.

Поручитель отвечал своим имуществом за своевременное возвращение долга. Еще от времен Республики известен случай, когда римские ростовщики захватили в городе Темне (Эолида) имение поручителя, поскольку должник не вернул занятых денег (Cic., Pro Flac., 46). Надо полагать, что в случае, когда поручитель является одновременно также и должником, процесс перехода обремененного долгами имущества в руки кредитора мог совершаться еще быстрее. Известен ряд случаев, когда частное лицо дарит городу земельные участки, отягощенные ипотекой⁶, — очевидно, участки эти стали фактически собственностью кредитора. Хотя Аттал Адраст не распоряжается участками, а жертвует храму лишь свои капиталовложения, но учитывая двойное за- кабаление отдельных должников, следует полагать, что эти участки могли со временем переходить в полную собственность кредитора.

Явление это само по себе не новое, но малоазийские источники проливают свет на его развитие. Следует обратить внимание на то, что Аттал Адраст был гражданином Афродисии, а его контрагенты — гражданами другого карийского города, Аполлонии, на территории которой находилось и их недвижимое имущество. Поскольку ни эпиграфические, ни нумизматические источники не говорят о каком-либо объединении Афродисии с Аполлонией⁷, надо считать, что оба города были самостоятельными административными центрами. Таким образом, при благоприятных обстоятельствах либо храм Афродиты, либо гражданин города Афродисии могли владеть земельными участками, расположенными на территории города Аполлонии. Гипотеза эта подтверждается материалом из других городов Малой Азии. От первой половины I в. н. э. дошла надпись в честь некоего жителя города Ксанта (Ликия) Артаната, который подарил храмам родного города земельные участки (τοὺς ἀγρούς), расположенные на территории двух ликийских городов: Пинары и Тлоса⁸. Такой же памятник поставил город Тлос в половине II в. н. э. известному эвергету Опрамоасу в знак благодарности за подаренный городу земельный участок (ἀγρός), который находился на территории города Коридаллы⁹.

⁶ Cp. L. Robert, *Études Anatoliennes*, стр. 382 сл. — данные из Ликии, о которых речь будет ниже.

⁷ Cp. J. et L. Robert, *La Carie*, стр. 233, прим. 1. Среди малоазийских городов существовали различные временные или постоянные объединения — см. U. Kahrgstedt, *Synokismos* и V. Schwan, *Sympoliteia*, RE, IV A, 1931, стб. 1440 и 1295. О симполитии карийских городов см. L. Robert, *Villes d'Asie Mineure*, P., 1935, стр. 59 сл.; он же, *Hellenica*, X, 1955, стр. 224.

⁸ TAM, II, № 261 B, сткк. 11—14.

⁹ LW, 1266 = TAM, II, № 578, сткк. 24—25.

Оба они — и Артапат и Опрамоас — обладали гражданскими правами всех городов Ликии (πολιτευόμενος δὲ καὶ ἐν ταῖς κατὰ Λυκίαν πόλεσι πάσαις)¹⁰, но трудно установить, что именно — земельная собственность или права гражданства — появилось у них раньше. Обладание гражданскими правами было связано с определенными расходами на общественные нужды города. И поэтому даже среди очень состоятельных представителей малоазийской аристократии чаще всего встречаем таких, которые обладали гражданскими правами лишь в одном-двух городах¹¹. Но это отнюдь не мешало им участвовать в общественно-экономической жизни других городов, гражданами которых они не были. Возможно, что именно в результате этой деятельности отдельные города награждали таких людей правом гражданства.

Во всех случаях, когда речь идет о передаче частным лицом земельной собственности храму или городу¹², заметны те изменения, которые произошли в земельных отношениях малоазийских городов со времен классического полиса. Там собственность города, гражданского коллектива, распространялась на всю городскую территорию, а частная земельная собственность обуславливалась гражданством в данной городской общине. Но уже в эллинистический период это единство территория—собственность разрушается, в частности благодаря расширению городских территорий за счет χώρα βασιλική. Ведь всякий земельный участок, полученный частным лицом от царя, следовало присоединить к какой-либо городской территории, причем царь иногда давал привилегию свободного выбора города¹³. Естественно, такая земля, несмотря на то, что она находилась на территории города, была не собственностью последнего, но частной собственностью. Возможно, что в момент присоединения к какому-либо городу частной земельной собственности, бывшей «царской землей», ее владелец получал гражданские права данной городской общины. Однако с периода Республики этот момент стал совсем не обязательным. Пришельцы из Италии, например, были полноправными землевладельцами в городах Малой Азии и права их не ограничивались никакими условиями¹⁴. Во времена Империи такая практика распространялась, очевидно, также на представителей малоазийской аристократии, по крайней мере в границах одной провинции. В документах III—IV вв. н. э. это явление выступает с еще большей определенностью. В частности, надписи кадастрового типа свидетельствуют, что и рядовые граждане могли иметь земельную собственность в разных городах Малой Азии. Так, кадастр из Магнезии на Меандре перечисляет среди других также землевладельцев (ἐνκτητωρ) из Тралл и Эфеса¹⁵. Другой житель Эфеса является соб-

¹⁰ LW, 1266=TAM, II, № 578, сткк. 7—8.

¹¹ Так в категории дарственных надписей лишь 4,85% эвергетов из Малой Азии времени ранней Империи обладали правами гражданства больше чем одного города.

¹² Кроме перечисленных документов ср. также L a u m, ук. соч., I, стр. 134—135 и L. R o b e r t, Inscriptions d'Aiolide, BCH, 57, P., 1933, стр. 502—503, а также надписи, говорящие о передаче земельных участков а) городу: IGRP, IV, 1168 (Attaleia); IGRP, IV, 1302 (Суме); LW, 857—859 (Aezani); SEG, XIII, 546 (Ariassus); TAM, II, 189—190 (Sidyma); б) храму: SEG, VI, 673 (Lyrboton Kome); в) общинам (komai): BCH, 24, 1900, стр. 425 (Klaudiopolis); IGRP, IV, 1666 (Нураера); г) коллегиям: BCH, 9, 1885, стр. 124 A (Ephesus); REG, II, 1889, стр. 20 B (Amorium); TAM, II, 188 (Sidyma).

¹³ См. M. R o s t o v t z e f f, Studien zur Geschichte des römischen Kolonates, Lpz, 1910, стр. 248 сл.; о т ж е, Die hellenistische Welt, Tübingen, 1956, стр. 387.

¹⁴ Подробный перечень этих имен см. B r o u g h t o n, ук. соч., стр. 665 сл. О развитии римского землевладения в малоазийских городах см. M. R o s t o v t z e f f, Gesellschaft und Wirtschaft im römischen Kaiserreich, II, Lpz, 1931, стр. 278.

¹⁵ O. K e r n, Die Inschriften von Magnesia am Maeander, B., 1900, № 122, фрагменты b, c, e, h.

ственником земельного участка в Гинепсах¹⁶. Таким образом, процесс, истоки которого лежат в кризисе классического полиса, продолжал развиваться в определенном направлении вплоть до конца существования античных государств.

Кризис этот в области земельных отношений выразился для малоазийских городов не столько в обнищании граждан (что так ярко выступает в городах материковой Греции), сколько в расширении городских территорий и вследствие этого в возникновении земельной собственности людей, не связанных с гражданским коллективом. Это должно было привести к четкому разграничению отдельных форм собственности юридических и физических лиц, находящихся на городской территории¹⁷. Всякое юридическое лицо — *persona coloniae* — наряду с физическими лицами владеет совершенно без ограничений своей земельной собственностью¹⁸. Это особенно ясно видно в тех случаях, когда в качестве контрагентов выступают, с одной стороны, физическое лицо, а с другой — юридическое лицо. И дарственные надписи свидетельствуют именно о таких случаях. Переход частной земли в собственность юридического лица (храма, города или другого коллектива) совершается без оговорок и без ограничений также и в тех случаях, когда тот или иной участок находится на территории другого города. Поэтому нет сомнений, что разные категории земельной собственности развивались в малоазийских городах периода Империи параллельно, вне зависимости друг от друга, вне зависимости от политического начала. Поэтому кажется маловероятным, чтобы в столь изменившейся обстановке элемент гражданских прав в какой-либо степени обуславливал развитие частной земельной собственности¹⁹. Развивалась она, точно так же как и другие формы земельной собственности, под преимущественным влиянием экономического фактора. Весьма правдоподобно, что одним из путей беспрепятственного приобретения частным лицом земельной собственности на территории другого города были займы, дававшиеся под залог земельных участков. Возможно также, что кредитор в этих случаях стремился закабалить не только должника, но и его поручителей, как об этом свидетельствует надпись Аттала Адраста.

Перейдем теперь к следующему вопросу — о размерах отдельных займов, полученных под залог земельных участков, и о сумме процентов. Хотя этот вопрос в научной литературе уже рассматривался²⁰, нам кажется, что приведенный ниже материал весьма полезен для понимания дальнейшего текста надписи.

Полные данные имеются относительно двух должников — это Диодор, который занял дважды по 10 000 денариев (сделки 2 и 3) и Публий Альбий, получивший два займа — 4500 и 1500 денариев (сделки 4 и 5). Все эти займы были долгосрочными, и, как доказал Т. Рейнак, сумма паросших

¹⁶ J. Keil, A. von Premenstein, Bericht über die III. Reise in Lydien, «Denkschriften der AWW», 1914, 57, № 80.

¹⁷ См. Jones, ук. соч., стр. 359. В других исследованиях этот вопрос не затрагивается (ср. W. Liebenam, Städteverwaltung im römischen Kaiserreiche, Lpz, 1900, стр. 2—12; F. F. Abbott, A. C. Johnson, Municipal Administration in the Roman Empire, Princeton, 1926, стр. 138).

¹⁸ Dig. L, 16, 299, 8; ср. Dio Chrys., Or. XXXI, 47.

¹⁹ В советской историографии высказывалось мнение, что частное землевладение в малоазийских городах было обусловлено — также в период Империи — правом гражданства (см. И. С. Свенцицкая, Зависимое население на землях городов Малой Азии в период эллинизма, ВДИ, 1957, № 3, стр. 92; Е. Э. Лифшиц, Пути формирования феодальной собственности и феодальной зависимости в Балканах и малоазийских провинциях Византии, «Виз. Врем.», XIII, 1958, стр. 30 сл.; Г. Л. Курбатов, Некоторые проблемы разложения античного полисного строя в восточных провинциях Римской империи IV в., «Вестник ЛГУ», 1960, вып. 2, стр. 48 сл.

²⁰ Reinach, ук. соч., стр. 242.

Т а б л и ц а II

Сделка	Имя должника	Заложенная недвижимость	Сумма займа (в денариях)	Сумма процентов (в денариях)
1	?	2 χῶραι	2 000	1 000
2	Диодор, сын Мусая	1 ἀγρός	10 000	2450
3	Диодор, сын Мусая	3 κλήραι	10 000	2450
4	Публий Альбий	2 χῶραι	4 500	1200
5	Публий Альбий	1 χῶρα ἀδελή οἰκία	1 500	367,5
6	Гай Юлий	?	3 000	?

процентов, подлежавших выплате 30-го апеллая, составляла итог за 49 месяцев. Следовательно, по этим займам взималось 6% годовых — так называемый *τόκον ὀκταπσυχῶν*²¹. Исключением является заем в 2000 денариев, по которому неизвестный должник должен заплатить 1200 денариев процентов (сделка 1), т. е. около 15% (14,6%) годовых.

Как уже говорилось, некоторые заложенные участки определяются через количество посевного зерна, необходимого для обсева каждого из них. Таких участков 6. Три — Диодора, сына Мусая (сделка 3), для обсева которых требуется 240 мер (*χίτρος*)²² зерна. Они заложены за сумму 10 000 денариев. Три участка принадлежат второму должнику, Публию Альбию (сделки 4 и 5), а для их обсева требуется 65, 40 и 15 мер зерна, т. е. ровно в два раза меньше, чем для участков Диодора. Следовало бы ожидать, что долг, числящийся за Публием Альбием, составит половину той суммы, которая лежит на трех участках Диодора, т. е. 5000 денариев. Однако за Публием Альбием числится долг в 6000, из коих 4500 взяты под залог двух участков в 105 мер (65 + 40 — сделка 4), а 1500 денариев — под залог участка (*χῶρα*) в 15 мер, другого участка (*ἀδελή*) и дома в городе (сделка 5). Таким образом, заложены три разных вида недвижимой собственности, объединенные общим займом.

Можно ли на основе этих данных сделать вывод относительно приблизительной цены земли в городах Карики первой половины II в. н. э.?

Этот вопрос в научной литературе обычно не ставится прежде всего из-за отсутствия в источниках какого-либо более доступного систематической обработке материала. Другим препятствием служит неустойчивость стоимости монеты в период Римской империи. Наконец, очень ограничены сведения, касающиеся спроса на земли в отдельных городах этого времени. Все это делает вопрос о ценах на землю весьма спорным. Несмотря на это, даже при чрезвычайной обрывочности данных нам кажется оправданной всякая попытка хотя бы частичного решения указанного вопроса.

Исходя из сопоставления сумм займов и размеров заложенных участков, а также из данных относительно посевного зерна, потребного для каждого участка, удастся установить некоторое соответствие. Нам оно

²¹ Там же, стр. 247. К такому выводу пришел Т. Рейнак на основе другой надписи Атталы Адраста, в которой сохранилась строка из списка должников. Здесь речь идет о долге в 9200 денариев и о 46 денариях процентов за 1 месяц (*καὶ τὰ τοῦ τόκου μηνὸς ἐνός* — REG, XIX, 1906, стр. 244, № 142, стк. 28). Эта сумма составляет 1/12 денария от 100 в месяц или 6% годовых — такая норма процента может считаться нормальной [для II в. обычна норма в 9% — ср. G. Billeter, *Geschichte des Zinsfußes im griechisch-römischen Altertum bis auf Justinian*, Lpz, 1898, стр. 103 и 211 сл. — а в Вифинии (P l i n., Ep. X, 55) и в Эфесе (JOEAI, XXVI, 1930, Beibl. 13) встречаем в этот период 12%-ную норму]. Видимо, более низкие годовые применялись при займах под залог недвижимости.

²² *χίτρος* — мера сыпучих тел = 14,6 л зерна — см. F. H u l t s c h, *Griechisch und römische Metrologie*, II, Bearb. B., 1882. стр. 572.

кажется следствием того, что во всех приведенных в надписи Аттала случаях сумма займа соответствует цене залога. На это указывают данные сделок Диодора (3-й) и Публия Альбия (4-й). В первом случае земля, обсеиваемая 240 мерами зерна, заложена за 10 000 денариев; во втором — земля, обсеиваемая 105 мерами, — за 4500 денариев. Соотношение между размером участка и суммой займа в обоих случаях почти одинаково ($240:105 \approx 10\,000:4500 \approx 2,2$).

Такое совпадение не случайно, так как сумма займа в обоих случаях соответствует цене заложенных земельных участков. Отсюда следует вывод, что единица земельной площади, обсеиваемая 1 мерой зерна, является эквивалентом около 42 денариев ($10\,000:240 \approx 4500:105$). Поэтому на долю участка, обсеиваемого 15 мерами зерна (сделка 5), приходилось, вероятно, 630 денариев из общей суммы займа в 1500 денариев.

Гипотетический характер этих выводов очевиден, но они все же дают нам известный ориентир и помогают лучше понять тогдашнюю обстановку. С другим вопросом — о посевной норме — дело обстоит хуже. Для интересующего нас района древнего мира отсутствуют какие бы то ни было свидетельства о ней. Данные о подобных нормах приводятся только в сочинениях римлян Варрона и Колумеллы. Эти данные относятся к более раннему периоду и основаны на опыте плодороднейшей Сицилии. Однако и Кария славилась высокими урожаями, кроме того, климатические условия здесь были примерно такими же, как в Сицилии²³. Поэтому сицилийские данные могут служить ориентиром и при изучении карийского материала, хотя не следует забывать о возможности очень больших колебаний (известных и для Сицилии). По сицилийским данным обычной посевной нормой для 1 югера считались 4—5 модиев пшеницы²⁴, т. е. 139,4—174,6 литров зерна на 1 га. Учитывая, однако, что почвы со временем истощались, нам кажется возможным вслед за Рейнаком принять для Карии посевную норму в 200 литров на 1 га²⁵. Поскольку в древности при обработке полей применялась обычно двупольная система, размеры участков в Аполлонии можно определить следующим образом:

Т а б л и ц а III

Сделка	Число участков	Количество посевного зерна	Площадь (га)	
			посевная	общая
3	3	240 мер = 3504 л	17,5	35,0
4	1	65 мер = 949 л	4,7	9,4
4	1	40 мер = 584 л	2,9	5,8
5	1	15 мер = 219 л	1,1	2,2

Принимая эти ориентировочные вычисления, мы считаем возможным определить цену 1 га земли в Карии для первой половины II в. приблизительно в 300 денариев. Судя по другим данным, эта цена была весьма

²³ О развитии земледелия в Карии см. L. Robert, *Études épigraphiques et philologiques*, I, P., 1938, стр. 175 и 225.

²⁴ Varro, I, 44; Columella, II, 9, 1; ср. Plin., NH, XVIII, 24.

²⁵ Издатель надписи Т. Рейнак принимает в качестве нормы немного больше 200 л, считая, что 100 кипров (= 1460 л) зерна было достаточно для засева 7 га; соответственно площадь отдельных заложенных участков он определяет в 16,8; 4,6 и 2,4 га (Reinach, ук. соч., стр. 239). Эти данные принимает также Броутон (ук. соч., стр. 667). Проверка, однако, показывает некоторую неточность в вычислениях, которую мы исправили в нашей таблице.

умеренной²⁶. Очевидно, здесь сказывалось наличие достаточного количества свободных земель. Но с уверенностью судить об этом можно будет лишь тогда, когда будут исследованы вопросы, касающиеся непосредственных производителей, в частности вопрос о том, сколько рабочих рук приходилось на единицу обрабатываемой земельной площади.

Исходя из тех данных, которые содержатся в надписи Аттала Адраста, нам кажется вероятным, что в Карию интересующего нас времени ощущался недостаток рабочей силы. Это, с одной стороны, создавало возможность относительно дешево приобрести землю, но, с другой, — приводило к тому, что приобретенные участки не доставляли своим хозяевам ожидаемых доходов.

Свидетельством развивающейся концентрации является характер земельной собственности, о которой говорится в надписи. В руках одного владельца находится по нескольку участков, расположенных в различных частях городской территории — хоры. Так, три *κλήροι* Диодора, названных *Ἀλλιανούς*²⁷ (сткк. 13—14; сделка 3), и два участка (*χωράι*²⁸), Публия Альбия (сткк. 18—20, сделка 4) были расположены *ἐν Ἀπολλωνίᾳ*. Таким же образом определяется местоположение двух других участков — *χωράι*, владетелем которых не назван (сткк. 2—3, сделка 1). Но, кроме того, мы можем выделить вторую группу участков, перечисленных в надписи. К ним относятся поле (*ἀγρος*) Диодора, названное *Μαγείρου Αὐλή* (сткк. 8—9, сделка 2) и земельный участок (*χωρά* — стк. 25), принадлежавший Публию Альбию. Оба они находились *ἐν τοῖς ὅροις Ἀπολλωνιατῶν*. За Публием Альбием числился, кроме того, дом и поле (*αὐλή*) в самом городе (*ἐν Ἀπολλωνίᾳ ἐν τῇ πόλει* — сткк. 26—27). Таким образом, земельная собственность Диодора состояла из четырех участков, Публия Альбия — тоже из четырех, причем некоторые из них находились, очевидно, на той части городской хоры, которая могла быть присоединена в результате политики урбанизации в римское время. Характерной чертой этой политики был не столько рост числа городов, сколько расширение территории существующих²⁹. Благодаря этому во власти того или иного города находились земельные угодья, расположенные в очень большом отдалении от центра. Нам кажется, что именно к этой категории земель принадлежали участки, перечисленные во второй группе. В пользу этого свидетельствует и определение местоположения земель³⁰, отличное от остальных³¹, а также и то, что, по-видимому, лишь небольшая их часть обрабатывалась. Вряд ли случайно, что для небольшого участка в 2.2 га (сделка 5) надпись содержит данные о количестве посевного зерна, но ничего не говорит о том, сколько требуется для посева на *Μαγείρου Αὐλή*,

²⁶ На территории Аттики в III в. до н. э. цена земли колебалась от 39 до 22 драхм за плетр (= 0,095 га) (см. A. J a r d è, *Les céréales dans l'antiquité Grecque*, P., 1925, стр. 150 сл.). Вторая цена приблизительно соответствует карийским ценам, но это отнюдь не значит, что карийские земли принадлежали к худшим: во-первых, это совершенно другой период, во-вторых, в Греции всегда ощущался недостаток земельных угодий.

²⁷ Прежние издатели (Рейнак, Ж. и Л. Робер), пользовавшиеся эстампажем, читали «*Δαδανούς*». Это название (см. J. et L. R o b e r t, *La Carie*, стр. 234) возводили к имени собственному *Δαδᾶ*, *Δαδῆς*.

²⁸ *ἡ χώρα* служит синонимом *τὸ χωρίον* и употребляется в значении «возделанное поле, имение» (см. L S J, стр. 2015, s. v., а также R o b e r t, *Etudes épigraphiques et philologiques*, стр. 260).

²⁹ M a g i e, ук. соч., стр. 120 сл. и библиография на стр. 972.

³⁰ Термин *ὅρις* употребляется не только в качестве определения границы, но также в смысле «приграничный район». Так, очевидно, надо его понять в надписи Аттала Адраста (см. F. P r e i s i g k e, *Wörterbuch der griechischen Papyrusurkunden*, Heidelberg, 1924—1931, II, s. v.). Л. Робер считает оба эти термина тождественными.

³¹ Ср. стк. 1: «в Аполлонии» (т. е. на исконно городской территории) и стк. 3: «в Аполлонии в городе».

заложенном за 10 000 денариев, с площадью по крайней мере в около 40 га, а по всей вероятности — большей. Очевидно, таково было соотношение возделанных и необработанных земель в этой части городской хоры, в то время как на исконно городской территории, в небольшом отдалении от центра почти все земли обрабатывались. Среди участков, перечисленных в первой группе, лишь два, ценой в 2000 денариев (больше 6 га — сделка 1), не обрабатывались. Им противостоят пять обработанных участков стоимостью в 14 500 денариев с общей площадью около 50 га.

Возможно, что одной из главных причин такого положения, при котором использовалась лишь часть земельных угодий, был недостаток рабочих рук. Но, как уже говорилось, у нас нет данных, которые подтверждали бы это наше предположение. Однако в надписи Аттала Адраста содержится материал, на основе которого можно объяснить другую, не менее важную причину затруднений карийских землевладельцев. Она, очевидно, лежала в характере эксплуатации земли, а это подводит нас к вопросу об эффективности хозяйства в Аполлонии.

Должники Аттала Адраста ведут зерновое хозяйство на довольно большой площади. Можно, конечно, предположить, что наряду с заложенными участками у них были еще и другие земли, отведенные под садовые культуры. Но для нас важнее вопрос о том, в какой степени хозяйство на перечисленных в надписи участках было эффективным. Как нам кажется, отдельные участки, находившиеся в руках одного владельца, не были самостоятельными хозяйственными единицами. Самостоятельное хозяйство, как правило, включало в себя в этот период, кроме участков, отведенных под зерновые культуры, также и землю, на которой выращивались виноград, оливки, инжир, другие фруктовые деревья и овощи³². Это объясняется тем, что хозяйство должно было обеспечивать содержание средней семьи либо владельца, либо арендатора, а также доставлять некоторый доход. Поэтому под зерновые культуры, составлявшие основу таких хозяйств, отводили 3—6 га земли³³, и этого количества было вполне достаточно для удовлетворения потребностей. С еще большей убедительностью отражен этот момент в некоторых дарственных надписях. Так, например, некий Менней подарил храмам в Лирботон Коме в Памфилии 1500 денариев с целью приобрести землю *εις τα ἀγορασθῆναι χωρίον*. Но его сестра и наследница решила заменить серебро земельным участком *ἐν ἐξώρῃ σεν κλήρῳ ἐνερῶν*³⁴. Стоимость³⁵ участка должна была соответствовать обещанной сумме, т. е. стоимости 6 га. Надпись Аттала и дарственная надпись из Лирботон Кома — почти одновременны. Цены на землю в Памфилии могли быть, конечно, иными, чем в Кари. Но и здесь и там мы имеем дело с обработанной землей. Кроме того, наиболее существенным элементом всякого учреждения по эвергесии была его доходность. Подаренный участок должен был быть таких размеров, чтобы удовлетворять этому требованию.

Первой половиной II в. датирована также надпись, в которой чествуется известный эвергет Ликии Опрамоас, подаривший городу Тлосу земельный участок, ежегодный доход от которого был равен 1250 денариям

³² Dio Chrys., Or. VII, 46; LXVI, 8, 12.

³³ Ср. участки, отдаваемые во II в. н. э. в аренду в Магнезии (Kern, ук. соч., № 116, стр. 32 сл.). Разбор надписи см. J. Zabolocka, Über die Pacht von Gemeindeland in kleinasiatischen Städten der frühen Kaiserzeit, Eos, 44, 1964, 1, стр. 173 сл.

³⁴ SEG, VI, 674, стк. 2 (период Адриана).

³⁵ В докапиталистических обществах при сравнительно небольшой товарности сельского хозяйства и наличии несложных орудий труда не было существенных расхождений между стоимостью земли и ее ценой. Нередко земля продавалась ниже стоимости.

(φέροντα ἐτήσια δην., ἀσν')³⁶. Во всех случаях, когда надписи касаются вопросов о ценах, перед исследователем встают непреодолимые трудности, особенно когда речь идет о ценах на хлеб, которые даже в один и тот же период отличаются очень существенными колебаниями³⁷. Если все-таки мы касаемся этого вопроса, то лишь с большими оговорками. От времени Траяна имеются две надписи, говорящие о ценах на хлеб. Одна из Эфеса, определяющая цену 1 медимна в 17,5 денариев³⁸, вторая — из Себастья в Кари, из которой следует, что цена была ниже — 14,5 денариев³⁹. Допустим, что в Памфилии цена на хлеб могла колебаться в тех же границах, тогда получим за сумму 1250 денариев либо 71,4, либо 86,2 медимна зерна. Такое количество зерна давала площадь в 7—8 га⁴⁰. Если мы сравним эти данные с размерами упоминаемых в нашей надписи заложенных участков, то найдем существенное различие: в Лирботон Кومه они немного больше необходимого минимума, в Аполлонии имеются комплексы около 20 и 40 га, не говоря уже о тех участках, которые, по нашему мнению, оставались необработанными. Поскольку сам характер дара требовал, чтобы пожертвованные земли приносили доход, надо полагать, что сравнительно небольшие участки в Лирботон Кومه этому условию отвечали. Обстановка в Аполлонии была другой, ибо там оба земельных комплекса обременены задолженностью. Причиной этого был, очевидно, характер эксплуатации земель. В то время как самостоятельные хозяйственные единицы с площадью в 6—10 га были типичными мелкотоварными хозяйствами, продукция которых обеспечивала максимальную их доходность, концентрированные имения в 20 га и более, целью которых было производство товара, не были в условиях Малой Азии достаточно эффективными. Отсюда и происходят, очевидно, экономические затруднения владельцев в Аполлонии Кариийской.

Возможно, что эти затруднения толкали иногда малоазийских землевладельцев к эвергесиям: часть чрезмерно разросшихся земельных комплексов отдавали в качестве «вечного» дара городу или храму, спасая таким образом остальную часть имения от разорения. К такому заключению приводит нас цитированная выше надпись из Лирботон Кومه в Памфилии. Это имение *μονυχρίου*⁴¹, состоявшее из трех частей, названных Байос, Трейс Элайя, Хармака, специализировалось на производстве оливок. На участке Байос росли 600 деревьев⁴², следовательно, и здесь перед нами не мелкотоварное хозяйство, а концентрированное имение, целью которого было производство товарной продукции, но сюда входили также участки, отведенные под зерновые культуры (часть этих участков затем наследница имения жертвует храму).

Сходную картину рисуют надписи в честь эвергета конца II века М. Аврелия Евкарпа из ликийского города Сидимы. Земельные владения Евкарпа лежали частью (*χωρίον*)⁴³ в области *Ἰσπάρδοις*, входившей в состав

³⁶ TAM, II, № 578, стк. 27.

³⁷ M. Rostovtzeff, *Frumentum*, RE, VII, стб. 147 сл.

³⁸ JOEAI, 3, 1900, Beibl. 87, стр. 6: ἀρτου λείτρα μία συν(κίχι) β' ὀβολῶν β'.

³⁹ Robert, *Études Anatoliennes*, стр. 343, стк. 12: τοῦ κύπρου πωλουμένου (δηναρίων) δ'.

⁴⁰ По данным Цицерона на Сицилии собирали с одного югера 8—10 медимнов пшеницы (Cic., *Verr.* II, 47, 112). Любопытны данные об урожае в современной Турции (1949 г.): 628 кг пшеницы и 700 кг ячменя с 1 га (Б. Даркот, *География Турции*, М., 1959, стр. 118). Это в перечислении на античную метрическую систему означает средний урожай в 4 медимна пшеницы и 7 медимнов ячменя с 1 югера, а учитывая двухполье, — 8 медимнов пшеницы с 1 га. Нам казалось возможным округлить эту цифру до 10 медимнов.

⁴¹ Интерпретацию этого термина см. Robert, *Études Anatoliennes*, стр. 383.

⁴² SEG, VI, № 673, стк. 22.

⁴³ TAM, II, № 188, стк. 22.

Сидимы, частью ($\chi\omega\rho\acute{\iota}\omicron\nu$) вокруг горы Крагос ⁴⁴, на юг от города. В руках этой семьи были, кроме того, те земли ($\tau\acute{\alpha}$ $\chi\omega\rho\acute{\iota}\alpha$), которые входили в приданое жепы Евкарпа ⁴⁵. В надписях отсутствует указание на возделывавшиеся там культуры, а это, возможно, свидетельствует, что эти участки не обрабатывались, как то наблюдается в надписи Аттала. Может быть, поэтому М. Аврелий Евкарп и решил подарить их городу? Но независимо от того, как мы этот вопрос решим, нет сомнений, что пожертвованная земля составляла часть большого владения, участки которого были расположены в разных местах городской территории.

Отсюда следует вывод, что характерные элементы надписи Аттала Адраста не отражают лишь местные явления, но, напротив, находят соответствие и в надписях из других малоазийских областей, таких, как Ликия и Памфилия. По-видимому, сходная обстановка существовала во II в. также и в Вифинии, насколько позволяют об этом судить надписи из Дадокме ⁴⁶ и некоторые данные речей Диона Хрисостома ⁴⁷. Весьма правдоподобно, что эти характерные для развития частной земельной собственности черты были общим явлением всех городов береговой полосы Малой Азии. Однако мы не располагаем сведениями для таких областей, как Иония и Лидия, а поэтому обобщения преждевременны.

Но для Юго-Западной Малой Азии (Кария, Ликия, Памфилия) материал позволяет определить некоторые отличительные черты, характерные для развития частной собственности на землю во II в. н. э. Это прежде всего свободное ее развитие вне зависимости от права гражданства. Местная аристократия, а также разного рода юридические лица могли без ограничений владеть землей на территории любого города данной провинции. Отсюда следует (и эта вторая черта особенно наглядно отражается в данных по отдельным имениям), что крупная земельная собственность не образовывала сплошного ареала. В самом деле, характерной чертой концентрации земельной собственности на городской территории была ее разрозненность. Характер этих имений и определяет третью отличительную черту, которая отражается в способе эксплуатации имения. Лучшим путем для обеспечения дохода было создание небольших хозяйственных единиц минимальной площадью в 3 га, но не больше 10 га, которые, очевидно, отдавались в аренду. Эта черта больше всего говорит о связи Малой Азии с доэллинской культурой ⁴⁸ — во всяком случае отличает этот процесс от аналогичных явлений на территории материковой Греции, Италии, либо западных провинций ⁴⁹. В городах Малой Азии делались попытки создания крупной земельной собственности, но ее основой продолжал оставаться участок небольших (около 6 га) размеров, где, по-видимому, работали либо колонны, либо свободные общинники. Создание более крупных хозяйственных единиц, как убеждают в этом надписи, не было хозяйственно целесообразным. Затраты землевладельцев на содержание таких хозяйств были весьма значительны и вели либо к задолженности, либо к тому, что, стремясь избежать последствий концентрации,

⁴⁴ ТАМ, II, № 190, стк. 7—8.

⁴⁵ ТАМ, II, № 189 В, стр. 2.

⁴⁶ Дарственная надпись: 2 ἀρχαί — см. F. M e n d e l, Inscriptions de Bithynie, BCH, 24, 1900, стр. 425.

⁴⁷ D i o C h r y s., Or. XLVI, 3—7 — о составных частях родового имения.

⁴⁸ Именно так осуществляется эксплуатация крупной земельной собственности в период новоассирийского царства (см. И. М. Дьяков, Развитие земельных отношений в Ассирии, Л., 1949, стр. 91 сл.). Возможно, что такие отношения существовали в Малой Азии уже в доперсидское время. Но поскольку у нас нет данных, в частности, в источниках карийцев и ликийцев, языки которых находятся в стадии исследования, наши предположения остаются пока в сфере гипотезы.

⁴⁹ Ср. из недавних исследований J. K o l e n d o, Kolonat w Afryce Rzymskiej w I—II wieku, Warszawa. 1962, стр. 27 сл.

владельцы жертвовали излишки земель городу, храмам и т. п. учреждениям. Это, возможно, было одной из причин развития так называемых эвергесий. Нет сомнения, что исследование других материалов, в частности литературных источников, поможет с достаточной полнотой исследовать вопрос о частной земельной собственности и, главным образом, об ее соотношении с другими категориями собственности на городской территории. С этим вопросом тесно связана проблема непосредственных производителей. Исходя из того специфического характера крупной собственности на землю, который рисуют нам надписи и который сильно отличается от известных нам классических норм, надо полагать, что и формы эксплуатации зависимо и полузависимо населения были здесь несколько иными, чем в метрополиях.

AGRARIAN RELATIONS IN THE CITIES OF ASIA MINOR FROM THE FIRST TO THE THIRD CENTURIES A. D.

by Julia Zabłocka

The author analyses the inscription *MAMA* VIII 413 recording the institution by Attalus Adrastus of a «perpetual gift» to the temple of Aphrodite in the Carian city Aphrodisia. For this purpose Attalus donated 122 000 denarii the income from which was to belong to the temple in perpetuity. This is one of many such private *euergesiai* attested in the eastern provinces of the Roman Empire. The inscription is dated in the first half of the second century A. D.

Column *C* of the inscription contains a list of debtors to Attalus Adrastus, citizens of Apollonia in Caria who had put up their land as security for the loans. Profits from *hypothek* loans at high interest apparently made up the sum donated to the temple. These data have not until now been thoroughly investigated. In the list of debtors the names of the debtor and his surety are given first; second comes the size of the loan and the amount of the interest; third, the land put up as security and the number of measures of seed needed to sow it. This information is presented by the author in three tables, the analysis of which led to the following conclusions.

I. In the Empire period there was no hindrance to the transfer of private land from one owner to another, irrespective of citizenship rights in the city in whose territory the property lay. A factor undoubtedly influencing this development was the practice of lending on real security, by which means the creditor plainly sought to hold in bondage both the debtor and his surety. Neither were there any limitations on the conversion of private land into the property of a juridical person.

II. Large landed estates did not occupy one continuous tract but were made up of separate parcels which might lie in different parts of the city's *χώρα*. Those lying far from the centre were often not cultivated for lack of labour power. In such conditions large tracts of privately owned land (20—40 hectares) could not yield the desired results. Possibly the common practice of transferring private property in land to temples and cities arose from a tendency to rid oneself of such unprofitable holdings.

III. The best means of securing an income was the creation of relatively small production units (3—10 hectares) which were evidently often rented out, a practice clearly linking the agrarian relations of Asia Minor at this time with those of pre-Hellenic civilisation.

The conclusions drawn from the inscription of Attalus Adrastus are confirmed by comparable epigraphical evidence from cities in Lydia, Lycia and Pamphylia.

ПУБЛИКАЦИИ

С. П. Борисковская

ВАЗЫ БУККЕРО С РЕЛЬЕФАМИ ИЗ РАЙОНА ВУЛЬЧИ

В ПОЗДНИЙ период производства этрусской керамики буккери (вторая половина VI — начало V в. до н. э.) получают распространение сосуды тяжелых, вычурных форм, в изобилии украшенные изображениями, исполненными в высоком рельефе¹. Большая часть этих ваз «тяжелого буккери» по своему художественному значению уступает стройным, тонко орнаментированным вазам VII — начала VI в., поражающим ювелирным мастерством исполнения гравированных фризов. Однако и поздние вазы не лишены яркого своеобразия, отличающего лучшие образцы этрусского искусства.

До недавнего времени было принято считать центром производства «тяжелого буккери» район Кьюзи, города в Центральной Этрурии. Однако еще в XIX в. Дж. Микали и С. Гзелль, автор монографии о раскопках Вульчи, предполагали существование различных центров производства этрусского буккери². Основываясь на тщательном изучении буккери из Вульчи, Гзелль отметил общность и своеобразие форм и декорировки сосудов и предположил поэтому, что определенная группа ваз могла быть изготовлена в мастерских этого центра. Вопрос о районе Вульчи, как о месте производства некоторых ваз буккери с рельефами (оинохой, сосуды, украшенные рельефными головками), был недавно вновь поставлен в работах Г. Батиньяни и Л. Донати³.

В коллекции буккери Эрмитажа можно, как нам кажется, выделить группу сосудов, исполненных в районе Вульчи. К сожалению, они происходят из частных коллекций, большей частью из собраний Пиццати и Кампана (обе коллекции приобретены соответственно в 1834 и 1862 гг.), и установить точное место находки ваз не представляется возможным. По формам и стилю декора эти сосуды можно разделить на две группы.

¹ О хронологии и типах этрусского буккери см. F. N. P r u s e, CVA. Brit. Mus., 7, стр. 11; С. П. Б о р и с к о в с к а я, О некоторых ранних формах этрусской керамики буккери, СА, 1969, № 2, стр. 45.

² G. M i c a l i, Storia degli antichi popoli italiani, II, Firenze, 1832, стр. 279; S. G s e l l, Fouilles dans la nécropole de Vulci, P., 1891, стр. 447 слл.

³ G. B a t i g n a n i, Le oinochoai di bucchero pesante di tipo «chiusino», «St. Etr.», 33, 1965, стр. 310 сл.; L. D o n a t i, Bucchero decorati con teste plastiche umane. Zona di Vulci, «St. Etr.», 35, 1967, стр. 619 сл.